

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Экспресс-выпуск • Express-issue

2001 № 157

СОДЕРЖАНИЕ

- 739-743** Заметки о птицах нижнего течения реки Великой (Псковская область).
О.А.ШЕМЯКИНА, М.С.ЯБЛОКОВ
- 743-744** Новая регистрация обыкновенной иволги *Oriolus oriolus* под Иркутском. Ю.И.МЕЛЬНИКОВ
- 745-746** О возможном участии кукушек *Cuculus* в воспитании птенцов. В.В.ЯКИМЕНКО
- 747-752** Наблюдения над пищухами *Certhia familiaris*, успешно вырастившими два выводка за лето.
Н.С.СТРИГУЛЬ
- 752-758** Экспериментальные исследования территориального поведения синиц и поползней.
К.А.ВИЛКС, Е.К.ВИЛКС
- 758-759** Встреча белой трясогузки *Motacilla alba* зимой в Санкт-Петербурге. А.В.БАРДИН
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

The Russian Journal of Ornithology

Published from 1992

Express-issue

2001 № 157

CONTENTS

- 739-743** Notes on birds of the lower reaches
of the Velikaya River (Pskov Region).
O.A.SHEMYAKINA, M.S.YABLOKOV
- 743-744** New record of the golden oriole *Oriolus oriolus*
near Irkutsk. Yu.I.MEL'NIKOV
- 745-746** On likely participation of adult cuckoos *Cuculus*
in feeding the fledglings. V.V.YAKIMENKO
- 747-752** Observations on the treecreeper *Certhia familiaris*
pairs, successfully raising two broods per summer.
N.S.STRIGUL
- 752-758** Experimental study of territorial behaviour of tits
and nuthatches. K.A.VILKS, E.K.VILKS
- 758-759** The winter sighting of the white wagtail
Motacilla alba in St.-Petersburg. A.V.BARDIN
-
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Заметки о птицах нижнего течения реки Великой (Псковская область)

О.А.Шемякина¹⁾, М.С.Яблоков²⁾

¹⁾ Кафедра зоологии, Рязанский педагогический университет,
ул. Свободы, д. 46, Рязань, 390000, Россия

²⁾ пр. Солидарности, д. 19, корп. 1, кв. 178, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: umike@mail.ru

Поступила в редакцию 21 августа 2001

9 июня 2001 мы провели наблюдения за птицами, учёт их видового состава и численности, спускаясь на байдарке по реке Великой в её нижнем течении от дер. Горбово (ниже устья Кудеба) до дер. Волженец (примерно в 10 км выше Пскова). Частично обследовали Выбутские пороги на Великой. Протяжённость нашего маршрута составила около 21 км. Русло реки на обследованном участке не очень извилистое, его ширина около 100 м. Глубина реки 1.5-2.0, иногда до 4-5 м. Врезаясь в коренные породы, известняки и песчаники, река местами образует перекаты и пороги, наиболее крупные из них — Выбутские (Природа... 1974). По берегам реки и вокруг нескольких островов небольшими куртинами и узкими лентами тянутся заросли надводной растительности. Песчаные отмели и косы попадаются редко, обнажаясь лишь при низком уровне воды. На значительном протяжении берега имеют бордюр из ивовых зарослей. Берега Великой в первой половине маршрута заняты в основном лугами и пашнями, населённых пунктов немного. Леса значительно удалены от реки. Ниже дер. Филатова Гора берега в основном заняты дачными участками и садоводствами.

Основное внимание мы уделяли водным и околоводным птицам. Названия и порядок расположения видов даны по Л.С.Степаняну (1990).

***Ardea cinerea*.** На протяжении пути видели 8 серых цапель, охотившихся на мелководьях вдоль берега.

***Ciconia ciconia*.** Дважды наблюдали одиночных белых аистов, прилетевших к реке из ближайших деревень.

***Anas platyrhynchos*.** Обычна, учтено 38 особей (1.8 ос./км). Кряквы встречались поодиночке и небольшими группами. За дер. Волженец встретили смешанную стаю из 27 крякв и 8 хохлатых чернетей.

***Aythya fuligula*.** Пять самцов и три самки хохлатой чернети встречены в составе смешанной стаи вместе с кряквами ниже дер. Волженец.

***Bucephala clangula*.** На обследованном участке Великой гоголь редок. Видели лишь одного самца на Выбутских порогах.

***Grus grus*.** Между дер. Горбово и Мольгино видели пару журавлей, летящих вдоль реки. Возможно, птицы вылетают кормиться на луга у реки.

***Crex crex*.** На лугах слышали брачный крик 2 коростелей.

***Charadrius dubius*.** Поскольку на обследованном участке реки песчаных и галечных отмелей практически нет, зуйки здесь крайне редки. Видели только одну особь на песчаной косе вблизи Выбутских порогов.

Haematopus ostralegus. В конце XIX - начале XX вв. кулика-сороку считали редким пролётным видом Псковской обл. (Дерюгин 1897; Зарудный 1910). Предположение о возможности его гнездования в районе Псковского озера появилось в литературе лишь в середине 1970-х (Мешков 1978). В конце 1970-х В.А.Тарасов регулярно встречал летом 2-3 пары куликов-сорок на Великой у Выбутских порогов (Фетисов 1999). В июле 1997 здесь также наблюдали две пары (Фетисов и др. 1997). Наконец, в июне 1999 в известняковом карьере у дер. Бабаево на Выбутских порогах С.А.Фетисов (1999) нашёл первое для Псковской области гнездо кулика-сороки.

В июне 2001 мы также встретили несколько особей этого вида. Один кулик отдыхал и кормился на песчаных отмелях у реки недалеко от дер. Горбово. Пару, проявлявшую сильное беспокойство, наблюдали на сырому лугу между дер. Филатова Гора и Барановка. Кладку или выводок обнаружить не удалось, однако поведение птиц почти не оставляло сомнений в том, что они здесь гнездились. Ещё двух куликов-сорок видели в колонии чаек на островах (Выбутские пороги). Никакого волнения при нашем приближении они не проявили.

Tringa ochropus. Одну птицу отметили на берегу реки ниже Горбово.

Tringa totanus. В небольшом числе травник встречается в пойме Великой. Отдельные пары, видимо, гнездятся. Одна из таких пар обнаружена на сырому лугу у дер. Филатова Гора. Птицы сильно беспокоились, явно у кладки или выводка. Ещё 4 особи встречены ниже дер. Барановка.

Actitis hypoleucos. Перевозчик обычен, но немногочислен на обследованном участке реки. Учли 14 особей (0.7 ос./км).

Xenus cinereus. Одиночную мородунку встретили на Выбутских порогах. При нашем приближении она беспокойства не проявила и скрылась.

Н.А.Зарудный (1910, с. 21) сообщает о мородунке в Псковской губернии следующее. “Этот кулик, до сих пор не найденный в С.-Петербургской губернии, изредко попадается в устьях р. Великой и на берегах Талабского озера, где однако не гнездится и не встречается в летний разгар. Я наблюдал его летом в 1894 и 1900 гг. Один экземпляр был добыт В.П.Гиллейн-фон-Гембицем около приозёрной деревни Молгово 15 мая 1893 г. В 1894 г. за время 13-17 мая мне ежедневно попадалось по нескольку стаек (штук до 10 в каждой) в островах устьев р. Великой, а 28 мая я встретил общество из трёх экземпляров на восточном берегу пролива, соединяющего Талабское озеро с Чудским, т.е. уже в пределах С.-Петербургской губ. В 1900 г. мне попалась стайка из десяти штук 20 мая около с. Видовицы и общество из трёх старых экземпляров 8 августа на Молговском берегу.”

С тех пор в литературе больше не появлялось сообщений о встречах мородунки в современных границах Псковской обл. В то же время на протяжении XX в. этот сибирский вид расширял свой ареал к западу и наблюдался на сопредельных с Псковской обл. территориях. Мородунку изредка встречали в Ленинградской обл., а в июне 1969 В.А.Москалёв обнаружил гнездящуюся пару на Лахте (Финский зал.) под Ленинградом (Мальчевский, Пушкинский 1983). Второй случай гнездования мородунки в этой области установлен в июне 1999 в Южном Приладожье, у дер. Кисельня (Кон-

дратьев, Высоцкий 1999). Мородунка спорадично гнездится по всей Новгородской обл., но чаще всего в Приильменье (Мищенко, Суханова 1998). В мае 1999 С.Н.Баккал, В.А.Бузун и А.В.Пантелеев регулярно встречали пролётных и токующих мородунок на юго-западном берегу оз. Ильмень между устьями Шелони и Псижи (Пантелеев 2001). В Белоруссии мородунка в небольшом числе гнездится в Полесье, на пойменных лугах Припяти, Горыни, Ствига, Днепра, Сожа (Монгин и др. 1998; Никифоров и др. 1997). Один случай гнездования зарегистрирован в 1964 г. недалеко от границ с Псковской обл., на Городокской возвышенности (Дорофеев 1970).

Limosa limosa. Пара больших веретенников держалась на сырых лугах у реки в окрестностях дер. Горбово. Одна из птиц время от времени с криками пролетала над рекой, лугом и вдоль берега. Ещё один веретенник отмечен на мели немного ниже по течению.

Larus minutus. Малые чайки начинают встречаться над Великой ниже дер. Спасское. В этой части маршрута мы постоянно видели до 4-7 чаек, летающих над водой в поисках корма. Всего зарегистрировали 32 особи (1.5 ос./км). Возможно, небольшое число малых чаек гнездится в смешанной колонии на Выбутских порогах.

Larus ridibundus. Озёрная чайка на пройденном нами части реки — самая многочисленная из неворобых птиц (87 особей, 4.1 ос./км). Охотится вдоль всей реки. Гнездовая колония озёрных чаек совместно с речными крачками и, возможно, малыми чайками, а также некоторыми видами куликов, расположена на островах в районе Выбутских порогов.

Larus argentatus. Первые серебристые чайки (2 взрослых и 1 неполовозрелая) встречены над рекой недалеко от дер. Щепец. Всего мы встретили 9 чаек (0.4 ос./км), в т.ч. пару у дер. Филатова Гора. По поведению последних птиц можно было предположить, что на одной из бетонных опор, оставшихся на месте моста, у них расположено гнездо. Проявлять беспокойство, а затем по очереди с криками пикировать на нас они начали задолго до того, как байдарка поравнялась с мостом.

Larus canus. Крайне редка на обследованном участке реки. Встретили всего одну сизую чайку в окрестностях дер. Барановка.

Chlidonias niger. Отдельные чёрные крачки и пары кормятся недалеко от берега над зарослями надводной растительности с “зеркалами” воды, где течение намного медленнее. Учли 7 особей (0.3 ос./км).

Sterna hirundo. Второй по численности вид неворобых после озёрной чайки (51 особь, 2.4 ос./км, не считая птиц в колонии). Речные крачки встречаются по всему участку реки, особенно часто на перекатах выше и ниже дер. Волженец и на Выбутских порогах.

Sterna albifrons. Малочисленна (18 особей, 0.9 ос./км). Первые малые крачки встречены ниже дер. Щепец. Далее отдельные особи и, возможно, пары кормились вдоль всей реки. Птицы, проявлявшие брачное поведение или беспокойство, не отмечены ни разу.

Columba palumbus. Одного вяхиря заметили летящим через реку в направлении леса, расположенного на некотором расстоянии от поймы.

Alcedo atthis. Один зимородок сидел на ветке склонённого над водой дерева на Выбутских порогах.

Riparia riparia. Самый многочисленный вид воробыиных птиц на реке. Наиболее крупные колонии береговых ласточек расположены в последней трети обследованного участка Великой, где берега становятся высокими и обрывистыми. Выше по течению береговушки тоже встречаются, но там в поле зрения одновременно находится не более 4 птиц. Всего насчитали около 220 особей (10.5 ос./км).

Hirundo rustica. Деревенские ласточки иногда охотятся над водой неподалёку от населённых пунктов. Встречены 2 раза по 2 особи (0.2 ос./км).

Delichon urbica. Два воронка кормились над поймой около дер. Горбово.

Motacilla flava. Зарегистрировали 1 самца жёлтой трясогузки и 1 пару.

Motacilla alba. Самка встречена на берегу около деревни.

Sturnus vulgaris. Гнездится в населённых пунктах по берегам. В поисках корма скворцы посещают прибрежные тростники и отмели.

Pica pica. 1 сорока держалась в кустарнике у реки около дер. Мольгино.

Corvus monedula. 5 галок перелетали реку, следя за лугами в деревни.

Corvus cornix. Летящую серую ворону видели у дер. Пятоново.

Acrocephalus schoenobaenus. Самый многочисленный вид кустарниковых зарослей по берегам. Всего учили 30 поющих самцов (1.4 ос./км).

Sylvia communis. Наряду с барсучком и тростниковой овсянкой, серая славка обычна по кустам вдоль реки. Учили 14 поющих самцов (0.7 ос./км).

Luscinia luscinia. 1 соловей пел на участке с древесно-кустарниковой растительностью выше дер. Спасское.

Turdus pilaris. Гнездится на деревьях у населённых пунктах и на острове ниже дер. Спасское, где обнаружено несколько пустых гнёзд. На берегах встречены 3 рябинника, занятые поисками корма.

Remiz pendulinus. Одного ремеза встретили в ивовых зарослях на островке между дер. Горбово и Мольгино.

Carpodacus erythrinus. На прибрежных кустах видели 2 поющих самцов.

Emberiza schoeniclus. Тростниковая овсянка обычна на островах и по берегам Великой, заросшим травяно-кустарниковой растительностью. Зарегистрировано 19 поющих самцов (0.9 ос./км). Как и барсучок, чаще встречалась в первой половине маршрута.

Итак, на обследованном участке поймы Великой 9 июня 2001 зарегистрировали 40 видов птиц. В сумме учили 609 особей (29 ос./км), из них 85.2% — околоводных видов и 7.7% — водоплавающих. Доминирующим видом среди водоплавающих была кряква (38 ос.), а из околоводных неворобыиных — озёрная чайка и речная крачка (87 и 51 ос., не считая птиц в колонии). Встречено несколько редких видов: кулик-сорока, мородунка, большой веретенник, малая крачка, зимородок, ремез. Наиболее интересными с орнитологической точки зрения оказались участок Великой ниже дер. Щепец и т.н. Выбутские пороги. Несмотря на значительный антропогенный пресс (дачные участки, близость областного центра), здесь существует крупная гнездовая колония озёрных чаек и речных крачек, в которой, возможно, гнездятся также малые чайки, травники и кулики-сороки. На этом же участке обнаружена мородунка, малый зуёк, малые крачки, зимородок. Результаты нашего кратковременного обследования свидетельствуют об орнитологической значимости этих участков реки Великой и необходимости проведения здесь более детальных исследований.

Литература

- Дерюгин К.М. 1897. Орнитологические исследования в Псковской губернии // *Tr. С.-Петербург. общ-ва естествоиспыт.* Отд. зоол. и физиол. 27, 3: 17-38.
- Дорофеев А.М. 1970. Гнездящиеся птицы Городокской гряды (эколого-фаунистический обзор) // *Животный мир Белорусского Полозья.* Минск, 1: 37-79.
- Зарудный Н.А. 1910. Птицы Псковской губернии // *Зап. Импер. Акад. наук по физ.-мат. отд.* Сер. 8. 25, 2: 1-181.
- Кондратьев А.В., Высоцкий В.Г. 1999. О гнездовании мородунки *Xenops cinereus* в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 85: 30-31.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана.* Л., 1: 1-480.
- Мешков М.М. 1978. Псковско-Чудской микрорайон на Беломорско-Балтийской пролетной трассе // *Сообщ. Прибалт. комис. по изуч. миграций птиц* 11: 3-11.
- Мищенко А.Л., Суханова О.В. 1998. Гнездящиеся кулики Новгородской области // *Гнездящиеся кулики Восточной Европы — 2000* / ред. П.С.Томкович, Е.А.Лебедева. М., 1: 28-33.
- Монгин Э.А., Никифоров М.Е., Пинчук П.В. 1998. Распределение и численность куликов прибрежных местообитаний в Беларуси // *Гнездящиеся кулики Восточной Европы — 2000* / ред. П.С.Томкович, Е.А.Лебедева. М., 1: 97-102.
- Никифоров М.Е., Козулин А.В., Гричик В.В., Тишечкин А.К. 1997. *Птицы Беларуси на рубеже XXI века: Статус, численность, распространение.* Минск: 1-188.
- Пантелеев А.В. 2001. К орнитофауне Южного Приильменья // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 131: 95-100.
- Природа Псковской области.* 1974. Псков: 1-172.
- Степанян Л.С. 1990. Конспект орнитологической фауны СССР. М.: 1-728.
- Фетисов С.А. 1999. Первая находка гнезда кулика-сороки *Haematopus ostralegus* в Псковской области // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 76: 3-8.
- Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Хааре А.О. 1997. Встречи редких птиц в Псковской области в 1997 году // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 23: 10-12.



ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2001, Экспресс-выпуск 157: 743-744

Новая регистрация обыкновенной иволги *Oriolus oriolus* под Иркутском

Ю.И.Мельников

Государственный природный заповедник “Байкало-Ленский”,
ул. Декабрьских Событий, д. 47, Иркутск, 664007, Россия. E-mail: zapoved@irk.ru

Поступила в редакцию 9 августа 2001

Обыкновенная иволга *Oriolus oriolus* — редкий вид Прибайкалья, численность которого к концу XX в. начала медленно увеличиваться (Дурнев и др. 1996; Мельников 1998а,б). В районе Иркутска проходит восточная граница ареала данного вида. Поскольку окрестности города достаточно регу-

Рус. орнитол. журн. 2001 Экспресс-выпуск № 157

лярно посещаются профессиональными орнитологами, здесь наиболее вероятны новые встречи *O. oriolus*. Однако с 1991 г., после находки гнезда иволги в районе дер. Введенщина (Рябцев 1997), её здесь не отмечали.

В связи с этим интересна встреча обыкновенной иволги более чем в 100 км восточнее Иркутска в верховьях р. Голоустная. Здесь, в разреженном крупноствольном лиственничнике с хорошо развитым вторым ярусом из берёзы, 22 июня 2001 встречена пара этих птиц. Иволги преследовали человека с беспокойным криком, что явно указывало на то, что у них было гнездо. Место встречи — правый борт долины Голоустной в 7 км выше устья р. Чиваджак. Птицы держались на крутом, хорошо освещённом склоне в 150 м от открытой ерниковой долины реки.

В подобных местообитаниях иволги ранее никем не отмечались. В Прибайкалье эти птицы осваивают разреженные долинные леса с преобладанием лиственных пород (Дурнев и др. 1996; Рябцев 1997; Мельников 1998а,б). Анализ обстоятельств встречи показывает, что по основным условиям этот район мало отличается от обычных участков гнездования данного вида. Однако интересно, что птицы держались в гнездовое время на участке, практически не тронутом деятельностью человека.

В то же время хорошо известно, что значительное расширение ареала *O. oriolus* (при очень низкой численности) обусловлено сильным освещением лесов на юге Восточной Сибири, вызванным сплошными рубками и пожарами. Последнее подтверждается увеличенной частотой встреч птиц этого вида в наиболее освоенных районах, с большими площадями старых застраивающих вырубок и гарей (Мельников 1998а,б). Следовательно, набор биотопов, используемых данным видом, шире, чем считалось ранее. Кроме того, данная встреча подтверждает ранее сделанный вывод и постепенном расширении ареала обыкновенной иволги в восточном и северо-восточном направлениях.

Литература

- Дурнев Ю.А., Мельников Ю.И., Бояркин И.В. и др. 1996. *Редкие и малоизученные позвоночные животные Предбайкалья: распространение, экология, охрана*. Иркутск: 1-287.
- Мельников Ю.И. 1998а. Обыкновенная *Oriolus oriolus* и китайская *O. chinensis* иволги в Восточной Сибири // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 45: 17-20.
- Мельников Ю.И. 1998б. Распространение и численность иволговых в Восточной Сибири // *Современная орнитология* 1998. М.: 126-130.
- Рябцев В.В. 1997. Новые находки редких и залётных видов птиц в Прибайкалье // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 30: 8-10.



О возможном участии кукушек *Cuculus* в воспитании птенцов

В.В.Якименко

ФГУНЗ Омский НИИ природноочаговых инфекций Минздрава России,
Омск, 644080, Россия

Поступила в редакцию 23 августа 2001

Существует некоторое несоответствие между существующими представлениями об участии кукушек *Cuculus* в воспитании собственного потомства и данными акарологических исследований, касающихся фауны полостных клещей. Точно установлено, что на обыкновенной кукушке *Cuculus canorus* в разных частях её ареала паразитирует полостной клещ *Sternostoma cuculorum* Fain. (Бутенко 1984). По устному сообщению Д.И.Иванова, *S. cuculorum* обнаружен им также в нескольких экземплярах глухой кукушки *Cuculus saturatus* из Западной Сибири и Алтая.

Имеющиеся в настоящее время весьма скудные данные по экологии видов полостных клещей (в том числе и наши собственные по другим видам птиц) указывают на то, что расселение клещей (прежде всего — заражение ими молодых птиц) возможно только при непосредственном и достаточно длительном контакте инвазированных и свободных от клещей птиц. У нескольких десятков видов обследованных нами птиц наблюдается инвазия птенцов после подъёма на крыло. Эти обстоятельства ставят под сомнение возможность самого существования клещей с такой схемой жизненного цикла у кукушек. И тем не менее они существуют, что наводит на мысль о существовании контактов между родителями и птенцами и у этих птиц.

В первой половине августа 2001 г. мы проводили исследования в подтаёжной зоне Западной Сибири, в Омской обл. На протяжении всего времени пребывания в районе полевых работ наше внимание в ранние утренние и вечерние (до захода солнца) часы привлекали незнакомые, очень характерные и непохожие на известные нам крики какой-то птицы. Этот крик звучал приблизительно как "куак" или "каак", издаваемое очень чисто и громко, несколько похожее на крик ворона, но гораздо более высокого тона и без характерного кракающего излома в середине. Увидеть кричавшую птицу с подхода не удавалось, она вела себя очень скрытно и не показывалась из крон или лесного подроста. Длительное наблюдение и скрытое преследование птицы в вечерние времена позволило установить, что это была кукушка. Надёжно диагностировать вид (*Cuculus canorus* или *Cuculus saturatus*) не представлялось возможным, так как иных звуков птица не издавала, а особь принадлежала рыжей морфе. Однако по нашим многолетним данным, в местообитаниях данного типа чаще встречаются глухие кукушки *C. saturatus*.

В ходе дальнейшего наблюдения выяснилось, что этой птице отвечают ещё как минимум две кукушки, периодически меняющие место своего нахождения. При дальнейшем приближении к источнику звуков удалось обнаружить молодую кукушку, судя по окраске — молодую глухую кукушку. В обоих случаях (взрослая и молодая птица) наблюдение вели с использованием 15-кратного бинокля в условиях абсолютного безветрия и удовлетворительного освещения. Молодая птица подпускала к себе на расстояние до 30 м и даже ближе, взрослая — на 40-50 м. При дальнейшем приближении молодая птица перелетала на несколько десятков метров и пряталась в нижнем ярусе леса. Взрослая, напротив, приближалась, перемещаясь в кроне. Издавала описанную позывку. После того, как молодая отвечала её (такой же крик), взрослая по нижнему ярусу леса, делая большой круг, скрытно приближалась к спрятавшейся молодой птице и кормила её (!). Если молодая видела взрослую с кормом (последняя, видя наблюдателя, не приближалась к месту кормления), то кроме позывки, она издавала ещё нетерпеливое тихое верещание (или щебетание). Сам процесс передачи корма виден не был (из-за достаточно большой дистанции и густоты растительности), однако продолжался менее минуты (судя по времени появления взрослой птицы). Кукушку с кормом мы видели дважды. В одном случае в её клюве была хорошо видна крупная волосатая гусеница каштаново-коричневой окраски (в это время года здесь многочисленны гусеницы медведицы Кайя *Arctia caja*, имеющие именно такую окраску, и в сумерках в массе выползающие на траву).

В литературе, касающейся *Cuculus canorus* и *C. saturatus*, мы не нашли описания чего-либо подобного. Заметим, что наблюдавшиеся нами контакты взрослых и молодых кукушек, их продолжительность были достаточными для эффективной передачи полостных клещей (у которых расселяющейся фазой являются самки, в определённые периоды жизненного цикла выползающие на оперение птицы) от взрослых молодым особям. Этому может способствовать и манера кормления молодых. Сам акт передачи корма мы не видели, но если он такой же, как и при кормлении кукушат приёмными родителями, то эффективность инвазии должна возрастать. Описанные наблюдения могут объяснить имеющее место различие видового состава полостных клещей кукушек и их воспитателей.

Литература

Бутенко О.М. 1984. Клеци-ринонисиды неворобых птиц СССР. М.: 1-187.



Наблюдения за пищухами *Certhia familiaris*, успешно вырастившими два выводка за лето

Н.С.Стригуль

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 16 августа 1996.

Изменения внесены 1 сентября 2001

Птиц отличают сложные формы родительской заботы и способность регулировать плодовитость в зависимости от успешности эмбрионального и первых этапов постэмбрионального развития потомства. Они способны повторить кладку в случае её гибели, а также когда при опасности птица сама бросает кладку. В результате число яиц, откладываемых самкой за сезон размножения, находится в зависимости от успешности её гнездовых попыток, определяемых абиотическими и биотическими факторами среды. И если величина кладки (одной порции яиц) — популярная тема исследований в орнитологии, то общее количество яиц, откладываемое самкой за сезон размножения (параметр, несомненно, гораздо более существенный) обычно даже и не пытаются установить, хотя на большую научную значимость этого вопроса указывал в своё время ещё А.С.Мальчевский (1959).

У разных видов и в разных условиях самки могут и не возобновлять утраченные кладки или, наоборот, предпринимать новую попытку размножения (вторую, реже третью и даже четвёртую) после успешного выведения потомства. Последний вариант в орнитологической литературе принято называть полициклическим размножением.

Различить повторные и вторые кладки довольно трудно. По одним только срокам начала откладки яиц это сделать невозможно. Необходимы наблюдения за индивидуально меченными особями. Но и в этом случае возможны ошибочные выводы при недостаточно детальном наблюдении, поскольку самка может предпринять повторную попытку гнездования не только после гибели кладки или гнездовых птенцов, но и в случае гибели слётков, уже покинувших гнездо, но ещё докармливаемых родителями. Подобный случай, например, был достоверно зарегистрирован при наблюдении за индивидуально меченными садовыми славками *Sylvia borin* (Зимин и др. 1978). В фаунистической литературе вопрос о вторых кладках традиционно решается в основном по косвенным показателям. Как пишет В.Б.Зимин (1988, с. 121), “нередко основанием для решения вопроса служат такие показатели, как длительность репродуктивного периода, продолжительность активного пения и его динамика, наличие двух и более пиков размножения и т.д., а ведь это может быть обусловлено не только полициклическим гнездованием. Двух- или трёхпиковые кривые динамики откладки яиц — ещё не доказательство, а только повод для более тщательного исследования числа выводков за сезон”.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что у видов, в норме выводящих по два выводка за лето, обычно наблюдается совмещение забот о первых и вторых гнёздах и выводках. Причём это совмещение по разному проявляется у видов с разным разделением родительских обязанностей между самцом и самкой. Порой оно оказывается даже связанным с разными формами полигинии, как это было подробно прослежено, например, у зимородка *Alcedo atthis* (Нумеров, Котюков 1981; Котюков 1997) и крапивника *Troglodytes troglodytes* (Дорофеева 1999а,б; Дорофеева, Кудрявцева 1999). Если не учитывать возможность совмещения забот о первых и вторых выводках, то в условиях короткого северного лета успешное осуществление двух циклов гнездования может показаться невозможным просто из-за дефицита времени. В результате возникает предубеждение против возможности двукратного размножения.

Относительно пищухи *Certhia familiaris*, о которой пойдёт речь дальше, В.Б.Зимин (1988, с. 121) пишет следующее. “Например, абсолютная уверенность в невозможности двукратного размножения обыкновенной пищухи в Карелии привела к тому, что мы совершенно не обращали внимания на тревожные крики пищух во второй половине лета, памятуя об аналогичной реакции на человека и молодых птиц. Но после того как сначала в первых числах августа был отловлен слёток этого вида, а затем найдено и гнездо, кладка в котором началась после 15 июня, мы стали метить взрослых птиц во время весеннего размножения и предприняли специальные поиски их вторых гнёзд. В итоге выяснилось, что практически все гнездовые пары (по крайней мере 80%), успешно воспитавшие первые выводки, гнездятся у нас вторично, причём в отличие от других видов вторые гнёзда пищухи строят на значительном, до 1 км, удалении от первых. Обнаружить их бывает нелегко ещё и потому, что второй выводок самки, как правило, выкармливают без самцов и редко тревожатся у гнёзд с маленькими птенцами (во время насиживания они вообще не проявляют признаков беспокойства даже при появлении человека в непосредственной близости от гнезда).”

Как считают А.С.Мальчевский и Ю.Б.Пукинский (1983), в Ленинградской обл. примерно треть пар пищух выводит два выводка за лето. По шестилетним данным из южной Финляндии (265 гнёзд), 8% пар пищух повторно гнездится после разорения первого гнезда и 37% пар (от 24 до 62% в разные годы) имеют вторую кладку после успешного первого гнездования. Лишь в одном случае наблюдалось второе гнездование после повторной кладки. Это было самое позднее гнездование из зарегистрированных — 31 июля птенцы были в возрасте примерно 11-сут (Kuitunen 1987).

Из 6 видов пищух рода *Certhia* мировой фауны, бициклия характерна для короткопалой *C. brachydactyla* и обыкновенной *C. familiaris*. Американская пищуха *C. americana*, как считают, в норме выводит один выводок за лето, но может повторно гнездиться в случае разорения первого гнезда. Только одну кладку в сезон имеет гималайская пищуха *C. himalayana*, обитающая в довольно суровых условиях горных лесов. Относительно непальской *C. nipalensis* и двуцветной *C. discolor* пищух данных по этому вопросу нет (Harrap, Quinn 1996; Snow, Perrins 1998).

Работая на полевом стационаре петрозаводского Института биологии КНЦ РАН в урочище Маячино в юго-восточном Приладожье ($60^{\circ}51'$ с.ш., $32^{\circ}47'$ в.д.), автор принимал участие в популяционном исследовании пищух под руководством В.Б.Зимина. Гнездовую биологию этого вида изучали с использованием специально разработанной методики привлечения пищух в искусственные гнездовья, а также проводя по возможности тотальный поиск их гнёзд в естественных местах. Взрослых птиц отлавливали у гнёзд с помощью паутинных сетей. Каждую особь обследовали по стандартной методике, кольцевали и индивидуально метили, окрашивая надхвостье родамином или бриллиантовой зеленью. В 1994-1995 гг. при наблюдении за индивидуально маркованными особями мы детально проследили четыре случая двукратного выведения птенцов за один репродуктивный сезон.

В 3 случаях первое и второе гнёзда располагались в одном биотопе: у двух пар — в еловом недорубе, у одной — в захламлённом елово-берёзовом лесу. В 1 случае пищухи сменили биотоп: первое гнездо было в еловом недорубе, второе — в черноольшанике. Высота расположения первого и второго гнёзд не сильно различались: 2 и 3.5 м, 1 и 2 м, 1.5 и 1.5 м, 2 и 0.4 м. Расстояние между первым и вторым гнёздами составило 300, 70, 150 и 170, в среднем 173 м.

Кладки в первом и втором гнёздах были начаты, по нашим расчётам, в следующие сроки: 1) 5 мая (в полной кладке 6 яиц) и 15 июня (5 яиц), 2) 8 мая (5 яиц) и 20 июня (5 яиц), 3) 6 мая (5 яиц) и 7 июня (6 яиц; прослежено появление первого яйца), 4) 6 мая (7 яиц) и 16 июня (6 яиц; прослежено появление первого яйца). Как видно из этих данных, в двух случаях первая кладка была на одно яйцо больше, чем вторая; в одном — такая же, в одном — на одно яйцо меньше. Иными словами, по этим материалам нельзя сделать вывод, что вторая кладка меньше первой.

Во всех четырёх случаях первый и второй гнездовые циклы частично совмещались во времени. Приступая ко второму размножению, самка переставала кормить птенцов в первом гнезде, и самец докармливал их в одиночку. У 2 пар (№№ 3 и 4) нам удалось проследить это более детально. Самки покинули первые гнёзда за 6 и 2 сут до вылета из них птенцов и не появлялись возле них даже тогда, когда самец волновался у гнезда в случае опасности, подавая сигналы тревоги. У пары № 3 самка перестала кормить птенцов 4 июня, а вылет птенцов происходил 10 и 11 июня. У пары № 4 эти события произошли, соответственно, 8 и 10 июня. Первые яйца второй кладки были отложены в ещё недостроенные гнёзда. Вторые кладки были начаты в этих гнёздах 7 и 16 июня, а вылупление птенцов произошло в них 25 июня и 4-5 июля.

Откладка первого яйца во второе гнездо происходила, когда птенцы первого выводка были в возрасте примерно 23, 24, 13 и 21 сут. В одном случае (№ 3) это произошло за 3 сут до начала вылета птенцов (прослежено непосредственно). В трёх остальных случаях кладка была начата уже после вылета птенцов первого выводка, через 5, 9 и 6 сут.

В совмещении двух циклов гнездования у пищухи существенную роль играет то обстоятельство, что хотя в кормлении птенцов участвуют оба

дителя, выводок в состоянии выкормить и одна птица. Это особенно наглядно доказывают ситуации, когда один из партнёров гибнет. Так, 1 июня 1995 мы нашли гнездо с 5 птенцами в возрасте 8-9 сут, которых в дальнейшем успешно выкормила одна самка. Самец у гнезда ни разу не наблюдался и, по всей видимости, погиб. Судя по срокам, это было первое гнездо в сезоне. Поскольку обогревает птенцов только самка, то самец в одиночку может выкормить выводок лишь после достижения птенцами возраста 7-8 сут, когда у них происходит полное становление терморегуляции.

Самцы оставались с птенцами одни, когда самка начинала вторую кладку. В одиночку они на протяжении примерно 15 сут кормят и покинувший гнездо выводок. У второго в сезоне гнезда самцов мы ни разу не отлавливали. Они совсем не принимали участия в выкармливании второго выводка. Лишь изредка, когда самка беспокоилась при появлении у гнезда человека, её партнёр прилетал на крики тревоги, но, впрочем, беспокоился весьма вяло.

Скорее всего, после распадения первого выводка самцы начинали послебрачную линьку. Так, самец VA07440, окольцованный при первом выводке (кладка началась 6 мая, птенцы вылупились 26 мая и вылетели из гнезда 10 июня, а выводок, который водил самец, распался примерно 25 июня), был пойман на завершающей стадии линьки 23 августа 1995. У второго гнезда, где кладка началась 16 июня, он не появлялся, хотя весь период линьки он обитал на территории пары. Второй выводок, который кормила одна самка, распался примерно 5 августа. Послебрачная линька у пищух продолжается около 100 сут (Flegg 1973). Очевидно, что линька этого самца проходила в то время, когда самка выкармливала второй выводок. Самки, отловленные на 6-11-сут птенцах второго выводка, ещё не начинали послебрачную линьку.

У самца и самки, пойманых при птенцах первого выводка, клоакальные выступы были сильно увеличенными (родители отлавливались, когда птенцы были в возрасте 6-11 сут). У самок, пойманых у вторых гнёзд, а также у самки, в одиночку выкармливавшей первый выводок, клоака не была увеличена. Судя по этим данным, по состоянию клоаки можно судить о том, будет ли пара размножаться ещё раз.

На выбор места гнездования и постройку гнезда пищухи затрачивают 4-9 (до 20) дней, откладку яиц — 5-7 дней, насиживание — 13-16 (до 20) дней, выкармливание птенцов в гнезде — 16-19 (иногда даже до 23) дней. Молодые пищухи начинают самостоятельно брать корм примерно через 7 дней после вылета, но ещё около недели продолжают получать корм от родителей. Выводок распадается примерно через 15-19 дней после вылета (наши данные; Flegg 1973; Davis 1978; Kuitunen 1987; Harrap, Quinn 1996; Snow, Perrins 1998). Таким образом, один цикл гнездования занимает 2 мес. Если бы пищухи не совмещали первый и второй циклы гнездования, то на выведение двух выводков ушло бы 4 мес., т.е. начиная размножаться в первых числах мая, при наличии второй кладки птицы заканчивали бы размножение лишь к началу сентября. В то же время столь поздних сроков окончания размножения не наблюдается. Например, в Ленинградской обл.

самые поздние из установленных дат вылета птенцов приходятся на 27 июля 1974 и 4-5 августа 1966 (Мальчевский, Пукинский 1983).

Совмещение забот о первом и втором выводках приводит к существенной экономии времени. Так, начав вторую кладку когда птенцы первого выводка были в возрасте 13 сут, пара сократила сезон размножения на 6 недель. При начале второго цикла одновременно с вылетом птенцов первого выводка экономия времени составила около 4 недель. Заметим ещё раз, что совмещение гнездовых циклов требует и определённого распределения обязанностей родителей по заботе о первом и втором выводках, что составляет предмет специального изучения.

У всех пищух насиживает кладку одна самка. Самец её кормит. Обогревает птенцов тоже одна самка. Кормят гнездовых птенцов и слёtkov оба родителя. Относительно участия полов в гнездостроении есть сведения для *C. brachydactyla*, *C. familiaris*, *C. americana* и *C. himalayana* (Harrap, Quinn 1996; Snow, Perrins 1998). У них самцы участвуют в гнездостроении. Для *C. americana* сообщается, что роль самца ограничивается в основном подносом материала, прежде всего, тонких веточек для основания гнезда. У *C. brachydactyla* самцы сооружают несколько оснований гнёзд, затем самка останавливает свой выбор на одном из них и далее одна выстилает лоток. Для повторной или второй кладки самка может использовать сделанное самцом в начале сезона основание, или самец делает новое во время кормления птенцов в первом гнезде. У *C. familiaris* оба партнёра строят основание гнезда, обычно из тоненьких сухих веточек ели с добавлением луба, паутины и коконов пауков. Затем самка одна выстилает лоток перьями, шерстью и коконами пауков. Как и короткопалые, обыкновенные пищухи строят весной несколько оснований гнёзд, одно из которых могут использовать для второго размножения. В двух случаях, детально прослеженных нами, второе гнездо строила только самка без какого-либо участия самца. В одном случае она начала строить гнездо с самого начала. В другом — гнездо было обнаружено на стадии окончания строительства, и использовалась ли весенняя заготовка, осталось неизвестным.

Итак, в детально прослеженных нами на индивидуально меченых особях четырёх случаях успешного двукратного выведения птенцов пищухами наблюдалось частичное совмещение первого и второго гнездовых циклов. Совмещение гнездовых циклов достигалось за счёт разделения обязанностей родителей по выкармливанию птенцов разных выводков. Самец до-кармливал первый выводок, самка полностью брала на себя заботы о втором выводке. После распадения первого выводка и дисперсии молодых самец начинал послебрачную линьку.

Автор благодарит своего научного руководителя В.Б.Зимина, а также С.П.Резного, А.В.Артемьева, Н.В.Лапшина и Т.Ю.Хохлову за учёбу и помощь в работе.

Литература

Дорофеева М.Ю. 1999а. Размножение крапивника *Troglodytes troglodytes* в Ленинградской области: строительство, устройство и расположение гнёзд // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 84: 3-13.

- Дорофеева М.Ю.** 1999б. Размножение крапивника *Troglodytes troglodytes* в Ленинградской области: откладка и инкубация яиц, выкармливание птенцов, успешность размножения // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 87: 3-14.
- Дорофеева М.Ю., Кудрявцева М.Ю.** 1999. Территориальное поведение и репродуктивная стратегия крапивника *Troglodytes troglodytes* // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 81: 3-18.
- Зимин В.Б.** 1988. Экология воробьиных птиц Северо-Запада СССР. Л.: 1-184.
- Зимин В.Б., Лапшин Н.В., Хохлова Т.Ю.** 1978. Биология размножения садовой славки в Карелии // *Фауна и экология птиц и млекопитающих таежного Северо-Запада СССР*. Петрозаводск: 5-16.
- Котюков Ю.В.** 1997. Сдвоенное гнездование зимородка *Alcedo atthis* // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 17: 8-15.
- Мальчевский А.С.** 1959. Гнездовая жизнь певчих птиц: *Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц европейской части СССР*. Л.: 1-281.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б.** 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Нумеров А.Д., Котюков Ю.В.** 1981. Материалы по численности, продуктивности и структуре популяции зимородка // 10-я Прибалт. орнитол. конф.: Тез. докл. Рига, 2: 151-153.
- Davis M.S. 1978. A nesting study of the Brown Creeper // *Living Bird* 17: 237-263.
- Flegg J.J.M. 1973. A study of treecreepers // *Bird Study* 20: 287-302.
- Harrap S., Quinn D. 1996. *Tits, Nuthatches and Treecreepers*. London: 1-464.
- Kuitunen M. 1987. Seasonal and geographical variation in the clutch size of the common tree creeper (*Certhia familiaris* L.) // *Ornis fenn.* 64: 125-136.
- Snow D.W., Perrins C.M. 1998. *The Birds of the Western Palearctic*. Oxford; New York: 1-1694.



ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2001, Экспресс-выпуск 157: 752-758

Экспериментальные исследования территориального поведения синиц и поползней

К.А. Вилкс, Е.К. Вилкс

Институт биологии АН Латвийской ССР, Рига, Латвия

Второе издание. Первая публикация в 1964*

Характер связей птиц с территорией вне периода гнездования довольно мало изучен. В настоящее время главную роль в этом вопросе принято приписывать пищевым связям. С филогенетической точки зрения это, несомненно, правильно. Однако у современных популяций эти связи в простом виде встречаются редко. За долгое время приспособления к среде пищевые рефлексы органически слились с другими рефлексами, образуя

* Вилкс К.А., Вилкс Е.К. 1964. Экспериментальные исследования территориального поведения синиц и поползней // *Проблемы орнитологии: Тр. 3-й Всесоюз. орнитол. конф.* Львов: 174-179.

сложные формы поведения, которые лучше обеспечивают выживание птиц в трудные периоды года, чем постоянное прямое стремление к корму. Видов, кочующих в пределах обширных территорий в зависимости от наличия корма, сравнительно мало, и эти виды обычно стенофаги. К "кочевникам" нередко относят синиц и поползней, но это неверно, во всяком случае по отношению к птицам нашей республики. Как уже указывалось в наших ранее опубликованных работах, основная масса синиц и поползней в Латвии оседла и зимой не кочует, а придерживается определённой, весьма небольшой территории (Вилкс, Вилкс 1961).

Для более подробного исследования территориальных связей этих птиц нами проводились специальные опыты.

Эксперименты увода

Чтобы установить, будут ли синицы и поползни в зимний период следовать за постепенно и медленно перемещаемыми источниками легкодоступного корма, нами было проведено три эксперимента.

Птицы прикармливались в определённом месте в лесу. В качестве корма использовалась конопля и овсяные хлопья, слегка смоченные подсолнечным маслом. Когда птицы уже привыкали к кормушке, их отлавливали, кольцевали и окрашивали (самым удобным материалом для окрашивания оказалась губная помада; краска на щеках, на лбу и на кроющих крыла заметна два-три месяца). После отлова птиц некоторое время ещё прикармливали на месте. При этом число кормушек (маленькие деревянные ящики, развешиваемые к стволам деревьев) увеличивали до 12-15. Кормушки помещали в один ряд с интервалом в 10-13 м так, чтобы соседняя кормушка всегда была хорошо видна. Перемещение кормушек производилось в одном направлении и таким образом, что кормушки постепенно снимались с одного конца и концентрировались на другом. Соблюдалось правило в течение одного дня никогда не перемещать все кормушки, а также не перемещать последнюю кормушку, пока не установлено, что птицы уже подлетают к следующим. Подкормка проводилась без перерывов. К концу перемещения в передней кормушке крма давалось всегда больше, чем в других. При такой методике мы сразу могли видеть, что птицы легко находили переставляемые ящики. Некоторые птицы следовали за человеком и сразу подлетали к ящичку, прикреплённому на новом месте. Окрашивание позволяло узнавать птиц, не тревожа их повторными отловами. Если появлялись не окрашенные птицы, то через каждые 300-500 м производился их отлов. В конечном пункте птицы контролировались на окраску и затем отлавливались и отмечались номера колец всех птиц. Эксперименты проводились в лесах, где и прежде кольцевали синиц, поэтому в некоторых случаях мы имели данные о возрасте подопытных птиц.

Первый эксперимент проведён с 30 октября по 18 декабря 1960 г. в сосновом и смешанном лесу. Всего в эксперименте участвовало 27 птиц: восемь поползней *Sitta europaea* (два из них были старше двух лет, возраст других неизвестен), четыре большие синицы *Parus major* (из них одна в возрасте 1.5 года, другая — пять месяцев), четыре гаички *Parus palustris*.

(одна из них старше двух лет), семь пухляков *Parus atricapillus* (один из них старше двух лет) и четыре хохлатых синицы *Parus cristatus*. Перемещение кормушек описанным выше способом было проведено на расстоянии двух километров.

Было установлено, что большинство птиц следовало за кормушками только на расстоянии от 100 до 400 м. Дальше у кормушек появлялись новые птицы. Поползни, как правило, следовали за кормушками до того момента, когда появлялись у кормушек новые поползни, тогда они отставали без особых драк и криков. У синиц подобные явления не отмечались. Создавалось впечатление, что птицы имели свои зимние участки и не нарушили их границ, независимо от того, появились ли другие особи того же вида. Участки эти для малых синиц и поползней имели диаметры, не достигающие одного километра. Это отмечено у всех птиц, имевших кольца предыдущих лет. Однако были птицы, охотно следовавшие за кормушками. На всём протяжении передвижения (2 км) за кормушками следовали две гаички и одна большая синица (самец). Другая большая синица (самка) следовала на расстояние до 800 м. До конечного пункта на расстояние 1.5 км летел и один пухляк, присоединившийся по дороге.

Итак, из 27 птиц только пять следовали за кормушками на расстояние более 0.5 км.

Второй эксперимент проводился с 25 января по 26 февраля 1961 г. В эксперименте участвовало всего 13 птиц: две большие синицы (обе старше одного года), четыре гаички (две из них старше одного года), четыре пухляка (один старше одного года), две хохлатые синицы и одна лазоревка *Parus caeruleus*. Ни одна из этих птиц не следовала за кормушками дальше чем на 500 м. Вследствие рано наступившей весны эксперимент не удалось провести в задуманных размерах, кормушки были перемещены только на 1.3 км.

С 5 декабря по 6 января 1962 г. был проведён третий эксперимент с уводом. В начальном пункте у кормушек было 16 птиц, по дороге были отловлены и помечены ещё 22 птицы, так что эксперименту было подвергнуто всего 38 птиц, в том числе 12 больших синиц (три старше одного года), три поползня, семь гаичек (две старше одного года), девять пухляков (четыре старше одного года), шесть хохлатых синиц (одна старше одного года) и одна лазоревка. Семь из этих птиц (один поползень, пять гаичек, одна лазоревка) следовали за кормушками дальше чем на 500 м. С кольцами предыдущих лет среди них не было ни одной. Одна гаичка следовала за кормушками с начала дистанции до конечного пункта (2 км), ещё четыре присоединились по дороге, две из них пролетели 1.3 км, одна — 1.2 км и одна — 800 м. Лазоревка, присоединившаяся по дороге, пролетела за кормушками 1.2 км. Надо полагать, что эти птицы следовали бы за кормушками и далее, если бы продолжалось их перемещение.

В начальном пункте была пара поползней. Оба следовали за кормушками метров 500, затем появилась новая самка, с которой самец продолжал следовать дальше. Первая самка в это время была повторно отловлена в начальном пункте, когда там на один день была вновь поставлена кормушка,

чтобы убедиться, что не последовавшие за кормушками птицы не погибли, а находятся на старом месте (это удалось установить не только наблюдением, но и отловом большинства из них). Поползень-самец с новой самкой следовал за кормушками до тех пор, пока на пути не появилась новая пара поползней.

Итак, всего экспериментам увода подвергались 78 птиц. Из них только 12 следовали за кормушками дальше, чем на 500 м (семь гаичек, две большие синицы, один поползень, один пухляк, одна лазоревка). Ни одна из птиц старше одного года не следовала за кормушками дальше чем на 500 м. Среди птиц, следовавших за кормушками, преобладали гаички (*Parus palustris*).

Как мы полагаем, эти эксперименты достаточно убедительно показывают, что большая часть синиц и поползней в латвийских лесах (84.6%) в осенне-зимний период как бы прикреплена к определённой, сравнительно небольшой территории леса. Для поползней, гаичек, пухляков и хохлатых синиц эти территории, как мы показали в своей предыдущей работе на эту тему (Вилкс, Вилкс 1961), менее 1 км в диаметре. Применяя легко доступный корм, преодолеть эти связи не удаётся.

Эксперименты с перемещением птиц на другой участок леса

Кроме экспериментов увода, нами было проведено несколько опытов перемещения отловленных синиц и поползней на другой участок леса.

Птиц прикармливали некоторое время, потом отлавливали, кольцевали, метили краской (в большинстве случаев индивидуально), по одной помечали в картонные ящички и, переместив в другой участок леса, выпускали на свободу. В ящичках птицы проводили от 30 мин до полутора часов.

Приведём описание одного такого эксперимента.

7 ноября 1961 г. на двух участках леса, расстояние между которыми составляло 3.8 км, одновременно были отловлены все кормившиеся у кормушек птицы, затем птиц обменяли местами. Перевозка проводилась в два приёма. Характер леса в обоих местах совершенно одинаковый, оба участка расположены вблизи одной и той же реки. Всего мы обменяли местами 37 птиц, 10 из них были старше одного года, трое — молодые.

На другой день на обоих участках можно было наблюдать помеченных краской птиц. Было произведено несколько контрольных отловов, первый — 12 ноября, последний — 5 декабря. В результате этих отловов установлено следующее.

Из шести поползней, подвергнувшихся эксперименту, трое вернулись на старое место, один (самец) 14 ноября был обнаружен в 1.5 км от места выпуска в стороне от направления к “дому”. Там он нашёл свободный участок с кормушкой и осел на нём. Два поползня после выпуска больше не были встречены. Из 11 больших синиц восемь вернулись на старое место, среди них три молодые птицы (два самца, одна самка), три не были обнаружены. Из 11 гаичек пять вернулись на старое место (одна из них 12 ноября была отловлена на новом месте, а 19 ноября уже обнаружена на старом). Вернулись все три птицы, о которых было известно, что они старше

года. Шесть гаичек остались на новом месте (две из них 24 декабря были обнаружены в 0.5 км от нового места). Из восьми пухляков вернулись пять, среди них три птицы старше года. Два остались на новом месте, один не обнаружен. Одна лазоревка при контроле не найдена.

Всего было проведено 30 подобных опытов, в которых птицы перемещались на расстояние от 0.9 до 3.8 км. Условия экспериментов варьировались: в одних опытах перемещали отдельных особей, оставляя других членов стаи на прежнем месте, в других обменивали местами две стаи, как в описанном выше эксперименте. В одном случае стайка птиц с одной кормушкой была перемещена и присоединена к другой стайке у другой кормушки (в этом случае ни одна птица не осталась на новом месте дольше одной недели). В некоторых опытах не удалось провести достаточно полный повторный контроль.

Наш материал пока не позволяет сделать определённые выводы по каждому из этих вариантов отдельно, но общая картина довольно ясна.

Из всех 222 подопытных птиц повторно были отловлены или идентифицированы по окраске 108. Судьба остальных нам неизвестна, среди них имеются заблудившиеся и не проконтролированные особи.

Таблица 1. Эксперименты перемещения птиц на расстояние от 0.9 до 3.8 км

Вид	Число перемещённых птиц, подвергшихся повторному контролю	Вернулись		Остались на новом месте		Обнаружены в другом месте	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
<i>Sitta europaea</i>	21	10	47.6	8	38.1	3	14.3
<i>Parus major</i>	36	32	88.9	3	8.3	1	2.8
<i>Parus caeruleus</i>	3	2	—	—	—	1	—
<i>Parus cristatus</i>	7	7	—	—	—	—	—
<i>Parus atricapillus</i>	17	13	76.5	4	23.5	—	—
<i>Parus palustris</i>	24	14	58.3	9	37.5	1	4.2
Всего		В среднем		В среднем		В среднем	
		108		78		72.2	

Для полного выяснения мотивов и способа возвращения птиц на “свои” участки леса необходимы опыты по физиологии ориентации этих птиц. Проведённые нами несколько опытов летом с отловленными у гнезда с птенцами большими синицами показали, что для возвращения к гнезду с 1.5-2-километрового расстояния синицам понадобился целый день.

В поведении перевезённых птиц наблюдаются видовые отличия.

Поползни в зимнее время встречаются только парами или отдельными особями. Одиночные птицы более подвижны, пары поползней же можно считать примером оседлых птиц, которые целый год привязаны к территории леса диаметром около трёхсот метров. Оседлость эта, понятно, связана с сильно выраженным инстинктом запасания корма. Однако, когда мы перемещали поползней на другой участок леса, где имелась кормушка и не было поползней или жила только одна птица, то поползни там часто оседали. Таким образом в парах удавалось обменять партнёров. Это доказывает, что комплекс “дом” не является элементарным. В экспериментах по исследованию способности к ориентации это необходимо учитывать.

Большие синицы в наших опытах дали самый большой процент возврата, за ними следовали пухляки и гаички.

Нами проводились перемещения птиц на большие расстояния. Результаты опыта с завозкой двух стай синиц и поползней на расстояние в 6 км показаны в таблице 2.

Таблица 2. Эксперимент перевозки на 6 км

Вид	Кол-во перемещённых птиц	Вернулись	Остались на новом месте	Не найдены
<i>Sitta europaea</i>	4	—	1	3
<i>Parus major</i>	11	1	2	8
<i>Parus caeruleus</i>	3	1	1	1
<i>Parus cristatus</i>	2	—	—	2
<i>Parus atricapillus</i>	5	—	1	4
<i>Parus palustris</i>	8	—	—	8
Всего	33	2	5	26

Несмотря на довольно тщательный контроль в обоих пунктах обмена, из всех 33 перевезённых птиц впоследствии удалось обнаружить только семь, причём пять из них на новом месте. Хотя в одном из пунктов подкормка не производилась, там осела одна лазоревка. Очевидно, такое расстояние для этих птиц так велико, что уже затрудняет возвращение.

Всего на расстояние с 5 до 120 км в осенне-зимнем сезоне мы переместили 145 птиц — 50 поползней, 75 больших синиц, три лазоревки, четыре хохлатые синицы, пять пухляков и восемь гаичек. Из увезённых на расстояние, превышающее 20 км, не вернулась ни одна птица. Из 58 птиц, увезённых на 20 км, вернулся только один поползень.

Всё описанное выше свидетельствует о том, что связи синиц и поползней с территорией в зимний период сильно выражены и довольно сложны.

Эти связи нельзя объяснить только пищевым рефлексом. Прямой пищевой раздражитель не в силах их преодолеть.

Опыты с перемещением птиц подтверждают выраженное стремление у них вернуться на “свою” территорию и в зимнее время. Успех возвращения зависит и от способности птиц к ориентации, что требует дальнейшего изучения.

Литература

Вилкс К.А., Вилкс Е.К. 1961. Сезонное размещение синиц и поползня в Латвийской ССР и их зимняя подкормка // Экология и миграции птиц Прибалтики: Труды 4-й Прибалтийской орнитол. конф. Рига: 151-160.



ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2001, Экспресс-выпуск 157: 758-759

Встреча белой трясогузки *Motacilla alba* зимой в Санкт-Петербурге

А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных, биологического факультета, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 1 августа 2001

В Ленинградской области белых трясогузок *Motacilla alba* можно встретить на протяжении 7 месяцев в году. Весной они появляются в начале апреля и даже в последних числах марта, осенью задерживаются до второй-третьей декады октября. Известны и более поздние встречи: 7 ноября 1968 в г. Пушкине (Мальчевский, Пукинский 1983), 7 ноября 2000 на юго-восточном берегу Ладожского озера (Ковалёв 2001).

Со второй половины XX в. в Прибалтике отмечаются случаи зимовки белых трясогузок. Встречи зимующих особей обычно приурочены к урбанизированным ландшафтам и описаны, в частности, для Литвы (Идзелис 1986) и Эстонии (Роотсмяэ 1981). Зимой белых трясогузок встречали также в городах, расположенных восточнее: Калуге (Баранов, Марголин 1986), Москве (Константинов и др. 1997). Из пределов Ленинградской обл. известна зимняя встреча трясогузки в г. Кингисеппе (Йыги 1961 — цит. по: Мальчевский, Пукинский 1983). Для Санкт-Петербурга подобные факты в литературе не приводятся. Поэтому моё случайное наблюдение может представить интерес. Зимой 1994/1995, в декабре-январе, я несколько раз встречал самца белой трясогузки (вероятно, одного и того же) в районе Шувалово-Озерки, у проспекта Композиторов. Трясогузка держалась вдоль теплотрассы, где земля была не замёрзшей и свободной от снега.

Литература

- Баранов Л.С., Марголин В.А. 1986.** Зимовки перелетных птиц в антропогенных ландшафтах Калужской области // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 1: 56-57.
- Идзелис Р.Ф. 1986.** Урбанизация и синантропизация птиц в советской Прибалтике // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 1: 261-262.
- Ковалёв В.А. 2001.** Орнитологические находки в Лодейнопольском районе Ленинградской области в 1998-2000 годах // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 137: 248-251.
- Константинов В.М., Резанов А.Г., Захаров Р.А. 1997.** Особенности зимней авифауны и основные тенденции динамики зимнего населения птиц парков крупного города // *Орнитологические исследования в России*. Москва; Улан-Удэ: 124-148.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983.** *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Роотсмяэ Л.Т. 1981.** О зимовке перелетных воробьиных птиц в Эстонии // *10-я Прибалт. орнитол. конф.: тез. докл.* Рига, 1: 171-174.

80 82